

Н.Н. Соболев

Русская народная резьба по дереву

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.02
ББК 85
Н11

Н11 **Н.Н. Соболев**
Русская народная резьба по дереву / Н.Н. Соболев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 482 с.

ISBN 978-5-458-24972-0

Книга рассказывает о крестьянском зодчестве, княжеском и царском строительстве Москвы, типах крестьянской резьбы, деталях резных украшений зданий, резьбе на экипажах, морских судах, церквях и многом другом. Книга оформлена большим количеством черно-белых фотоиллюстраций.

ISBN 978-5-458-24972-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

материал для постройки жилищ и для их отопления; лучинами освещали избу в зимние темные вечера; зола шла для удобрения лесной пашни; деревянные дома строились быстро и хорошо держали тепло. Постоянное соприкосновение с лесным материалом способствовало усовершенствованию технических приемов и способов обработки дерева. Из простого плотничного мастерства, известного еще и теперь в большей или меньшей степени каждому крестьянину, возникли и развились более сложные отрасли обработки дерева—столярное, резное и наконец уже впоследствии токарное дело, которое, как можно заключить из обследования произведений русской художественной промышленности, появилось в России не ранее конца XVI или начала XVII века. Резные примитивные изделия утилитарного характера, обслуживавшие необходимые потребности быта с древнейших времен и сохранившиеся в некоторых районах страны до наших дней, были не сложны. Наиболее широкое применение, благодаря своей устойчивости, имел рогатчатый отрез дерева. Он встречается не только при раскопках, но и до сих пор бытует в деревне и разделяется на три вида: корень с частью ствола, корень с частью разветвлений и раздвоенные или растроенные ветви. Для примитивных орудий земледелия и домашнего обихода служит длинная ветвь или ствол с разветвлениями: рогатина, вилы, соха, подсошка и подсоха. Ветвь с оставленными ответвлениями снизу дает крюк или крючок; две ветви с коротким стволом—руль, вийю; пень с короткими обрубленными корнями—курьи ножки, ступу и т. п. Ствол с одним оставленным корнем служил для устройства первобытного украшения—конька на гребне крыши. Любопытно, что эти примитивы из дерева и до сих пор живут в крестьянском быту. Исследовавшая их в 1927 году Н. В. Валукинская насчитывает 49 видов применения подобных примитивов в различных районах одной только Воронежской губернии¹. Лес был не только колыбелью всех промыслов по обработке дерева, но в нем зародились и те начала русского искусства, которые вошли в среду этих промыслов. Здесь начались первые попытки графического воплощения окружающей природы, навеянные привольем лесной глуши и фантастическими образами, связанными с религиозными представлениями. Любовно и внимательно подходит к лесу русский фольклор, черпая из него богатый материал для сравнений и всякого рода картинных выражений. Почти каждая лесная порода отмечена в нашем фольклоре постоянным характерным эпитетом: и в русских песнях и былинах, точно в тихой заводи, отражаются и «сыр-кряковистый» дуб, и «красная» сосна, и «червлёный» вяз, и «кушлявая» елка, и «беленькая кудрявая» березка, и «горькая» осина, и «часть» ракитов куст. Трогательным обращением к лесу начинается целый ряд русских народных песен:

¹ Н. В. Валукинская, Примитивы из дерева в Воронежской губ. Воронеж, 1927.

Уж ты ель моя, елушка,
Зеленая сосенушка.
Все ли на тебе густы веточки?
Все ли на тебе верхушечки,
Золотые макушечки?

В перекладе всех этих художественных настроений и переживаний на язык старинных песен, былин и сказаний чувствуется любовь обитателя леса и к окружающей его природе и, в процессе работы, к каждому хорошо отделанному бревну, к каждой чисто вытесанной доске, к каждой самой примитивной порезке, является ли она украшением строительной детали или поставца, прялки, солонки, ложки.

На общем фоне насущных потребностей, удовлетворяемых своим «рукоделием», развернулась своеобразная красочная культура с необыкновенным изобилием резных украшений. Эти покрытые резьбой поделки, частью еще сохранившиеся в крестьянском быту, частью собранные в коллекциях музеев как памятники крестьянского искусства в оформлении быта, поражают наш взгляд оригинальностью своего замысла, неожиданностью разрешения поставленной задачи, смелостью и непосредственностью своих технических приемов. Что же касается материала, из которого получались произведения русской резьбы, столярного, токарного и плотничного дела, то он был крайне разнообразен, так как выбор лесной породы для работ варьировался в зависимости от характера и назначения изготавливаемого предмета.

В лесах европейской части нашего Союза более тридцати процентов всей лесной площади занято сосной. Это наиболее распространенная у нас порода, она дает прекрасный строительный материал, что было отмечено еще нашим фольклором, в котором при описании построек нередко можно встретить такие эпитеты: «избушечка новенькая-сосновенькая» или «горенка сосновенькая». По своей мягкости и прямослойности сосна хорошо поддается любой обработке: строгается, колется и режется. В обработанном виде она дает чистую и гладкую поверхность, которая одинаково пригодна и для рельефной и для «облой» (круглой со скульптурным рельефом) резьбы¹. Еще более пригодными для резьбы являются различные лиственные породы: липа, береза, осина, ольха, дуб и клен. Кудрявая береза, которой в европейской части Союза занято более шестнадцати процентов всей площади леса, имеет белую, твердую и упругую древесину. Обыкновенно из нее выделывают посуду и всякого рода штучные резные и токарные вещи. Семеновский и Балахнинский районы бывшей Нижегородской губернии в зимнюю пору почти поголовно занимаются резьбой ложек. Еще сравнительно недавно здесь ежегодно вырабатывалось до 170 000 000 березовых ложек. Другие

¹ Почти все древнейшие статуарные изображения Северного края резаны из сосны.

лиственные породы, годные для резьбы, из-за хищнического их истребления в прошлое время, не встречаются уже большими сплошными массивами, но роль их в прошлом, в общей схеме развития русской резьбы, следует признать достаточно крупной. Из всех лиственных пород наиболее пригодной для резьбы по однородности своих слоев, белизне и мягкости является липа, из которой раньше постоянно делалась вся ажурная и фигурная резьба, начиная от очень крупных и кончая самыми мелкими поделками. Лучшие липовые леса тянутся от северо-восточного угла Костромской губернии до Уфимской, причем из 414 000 кустарей деревообделочников до 115 000 работают исключительно с липой и березой. За последнее время, в связи с сокращением запасов липы, ее стали заменять осиною, которая, кроме того, идет и на точку всевозможных крупных и мелких чашек и прочей деревянной посуды. Ольха, обладающая более твердой древесиной, также употребляется на резьбу. Она имеет красноватую окраску и хорошо полируется. Территория между Волгой и Сурой, так называемое Засурье, в силу особых условий своей почвы, богата кленовыми лесами, дающими очень твердую древесину. Резные изделия из клена очень прочны и передают тончайшие движения резца. Помимо крупных поделок, каковы сени «новыс, кленовые, решетчатые», хорошо сопротивляющиеся атмосферным влияниям, из клена режутся гребни для самопрялок и для расчески льна, клише для печатания иллюстраций и гравюр; из него режут и точат всевозможную фигурную мелочь, где нужно иметь четкие, определенные профили, как например шахматы:

Стали они играть в шахматы
Тавлеями кленовыми, вальящатыми...

Не менее твердой породой является дуб, который когда-то был гораздо более распространен в центральной полосе России, чем теперь. Иностранные путешественники в своих записках отмечают наряду с сосной обилие дуба и клена. Многочисленные географические названия (как река Дубна, Дубровицы) и целый ряд палеографических и геоботанических наблюдений подтверждают былое распространение дубовых лесов. Остатки их еще и теперь в изобилии встречаются в виде затянутых илом и занесенных песком громадных коряг и целых стволов мореного дуба на дне полувysохших рек Московской, Тамбовской, Ленинградской и других губерний. Судя по русскому былевому эпосу, в старину дуб имел самое широкое применение в постройках и обстановке. В постройках постоянно упоминаются: дубовые стены, дубовые полы, дубовые столбы и ворота, двери, крыльца. Во внутренней обстановке жилища: дубовые столы, скамьи, стулья и пр. Как в старину, так и теперь, дуб идет главным образом на предметы обстановки и на внутреннюю отделку помещений. Так как древесина его довольно тверда и имеет своеобразную структуру, для

мелкой резьбы он не годится. Вообще каждая лесная порода имеет свои характерные особенности, требующие для каждой из них своих методов, приемов и способов обработки. Накопленный долгими годами опыт и приобретенные навыки русское трудовое население передавало из поколения в поколение, создавая таким образом кадры искусных мастеров по различным отраслям обработки дерева: плотников, столяров, резчиков и токарей. Орудия производства, которыми располагали наши предки в ту эпоху, когда резьба была тесно связана с домашним бытом и единоличным хозяйством, были и немногочисленны и несложны. Главным и почти единственным инструментом при обработке дерева был прежде всего исконный друг нашего крестьянина — топор. «Топор,—говорит пословица,—сохе первый пособник». Правда, теперь эпитетом «топорный» обычно обозначают грубую, неряшливую работу, но если это и верно, то только отчасти, поскольку на смену одному топору появились многочисленные более тонкие и разнообразные режущие инструменты и поскольку с появлением их постепенно стали утрачиваться прежние навыки владения топором. В старину же, когда топор был единственным инструментом, топорная работа была и очень тонкой и очень тщательной. Идеалом такой старинной топорной работы была выколота́я гладкая доска, поверхность которой являлась как бы выструганной рубанком. В то время не знали ни пил, ни долот, ни рубанков; пилы появились много позднее, и в XVII веке они были, повидимому, еще мало известны среди массового трудового населения, а между тем все венцы старинных построек являются по торцу чисто и ровно обрубленными, словно отпиленными все тем же топором. Вторым и последним древнейшим инструментом при резьбе является нож. В обстановке самобытного домашнего дереводелия нож—это такое же необходимое орудие производства, как и топор, и без него никогда не пускаются в путь при обычных страсти́ях по лесу. По летописи, старинные русские идо́лы, стоявшие даже не в деревнях, а в городах, выделялись «секирою и ножом». Сам лес, казалось, наталкивал крестьянина на первоначальные приемы резной работы: «В лесу примечай дорогу по моху на пнях да по зате́сам». Лесные затесы не только указывали путь—ими приходилось обозначать и принадлежность тому или иному хозяину лесного улья́-борта. Разбросанные по лесным чащам наших северных и центральных районов «бортные ухажеи»—лесные пасеки и отдельные ульи, принадлежавшие одному и тому же хозяину, стали все обозначаться одними и теми же вырезанными знаменами или бортными знаками. Постепенно в хозяйственной практике старинных лесных поселков выработалась целая система подобных идеографических изображений, своеобразных прообразов геральдических знаков, которые представляли собою комбинации нескольких основных элементов с определенным наименованием и определенным символическим значением: «коса на черте» (см. рис. 1, фиг. 1), «калита с поясом» (см. рис. 1, фиг. 2), «лежая с двумя рубежами» (см. рис. 1, фиг. 3), «знамя локотки»

Было бы чрезвычайно интересно точно выяснить, имели ли бортные знаки и все подобные им более ранние зарубки и разные знамения какое-либо отношение к резному искусству вообще. Воспроизводили ли они отдельные фрагменты уже установившихся ранее элементов резных украшений или же, наоборот,—сами послужили исходными мотивами к созданию резного узора, повторяемого ритмически в определенном порядке. За разрозненностью источников и их случайностью трудно сказать что-либо определенное, но можно предположить, и это всего вероятнее, что начало орнамента следует искать в экономическом подходе единоличника-собственника — отметить определенным признаком свою вещь: «се мое». Отсюда знамёные, бортный знак, затес на коре дерева, пометка на улье (борте). Эта же метка, обозначающая принадлежность данного предмета определенному лицу, повторяемая многократно одна около другой, образует первоначальный узор, которым начинают украшаться все без исключения принадлежащие ему вещи. Это знамёные, затес, тамга легко могли лечь в основу создаваемых узоров первоначальной русской художественной резьбы по дереву, хотя бы уже и потому, что выполнение их несложных мотивов требовало четкой и легко запоминаемой комбинации линий, которая в свою очередь могла подсказать элементы и для настоящего, специально повторяемого в определенном ритме и порядке резного узора.

К области древнейшего способа первобытного использования дерева для домашних надобностей следует отнести все изделия из коры березы—бересты—и из луба. Изготавливаемые из бересты плетеные пещуры (род ранца), лукошки, а главное, цилиндрические сосуды в виде ведерок—бураки и туеса разных размеров,—еще и по сей час довольно широко распространены в крестьянском обиходе наших северных и северо-восточных районов. Из луба делаются всевозможные, большие и малые, коробка, коробки и кузовки. Не подлежит никакому сомнению, что раньше лубяные и берестяные изделия были распространены гораздо больше. Упоминание в летописи села Берестова под Киевом как будто указывает, что обработкой бересты занимались и в приднепровской Руси еще в X—XI веках. «Кабы не лыко да не береста, так бы мужик рассыпался», говорит старинная пословица. Берестяные и лубяные изделия и раньше делались и теперь делаются частью гладкими, лишенными каких-либо украшений, частью богато орнаментированными резным, тисненым или расписным узором. При этом каждый район имеет свои особенные, характерные принципы и мотивы украшений. Берестяную посуду в Архангельской губернии обычно расписывали: в старину—яичными красками, на яичном желтке, со второй половины XIX века—масляными красками (см. рис. 2). В Вологодской губернии украшения на бересте или выдавливались тупым инструментом или же прорезывались, причем под ажурную прорезь растительного орнамента подкладывался цветной контрастный фон: бумага, ткань, станьоль, фольга

2. Берестяные решота и твеса. Москва. Кустарный музей

и пр. Украшенные таким образом бураки, туеса, коробки, берестовые тарелки и прочие изделия имеют главным образом декоративный характер и в настоящее время идут на экспорт или же для художественного оформления быта городского обывателя. Для деревни же употребляют более логичный и более древний способ украшения, заключающийся в узорах, вдавливаемых в гладкую поверхность коры. При этом способе украшения береста остается целой, узор не разрушает ее поверхности и, сохраняя ее неприкосновенной, делает предмет, украшенный таким образом, более долговечным. В лубяных изделиях мы имеем дело с очень древними традициями. «Сосна,—говорят крестьяне,—кормит, липа—обувает». Рогожный и лапотный промыслы были известны с незапамятных времен. Они до настоящего времени довольно сильно развиты во многих местах. На севере, кроме того, широко распространено производство лубяных лукошек, коробок, кузовков, коробов и тому подобных изделий. Но в основе художественного оформления этих изделий лежит уже не резьба, а роспись, которая имеет нередко очень интересные декоративные мотивы, сосредоточенные главным образом на внутренней стороне крышки. Росписью покрывают также и бока кузова или короба с наружной стороны.

Помимо украшения жилищ и предметов домашнего обихода, резьба и у первых насельников страны и у славян дохристианского периода служила также для изготовления и отделки древних предме-

тов культа—деревянных идолов. Об этих произведениях русской резьбы в новгородской и приднепровской Руси остались многочисленные упоминания в наших летописях: «В лето 6496 (988) года¹. И прииде епископ Иоаким (курсунянин) и требища раззори и Перуна посече, чво в Великом Новеграде стоял на Парыни, и повеле вовлещи в Волховы². «И паки нача княжити Володимер в Киеве, и постави на холме вне двора теремного Перуна древяна, а главу сребрену, а ус злат, и Харьса, и Дажьбога и Стрибога, Сеимарскла, Мокошь...»³. В скандинавской саге об Олаве, сыне Триггвы, рассказывается, как, гостя у язычника, киевского князя Владимира, христианин Олаф огорчил хозяина тем, что отказался поклоняться его идолам—heidhin scirngodh, т. е. языческим богам, сделанным при помощи резьбы (от skaar—резать⁴). Арабский путешественник X века Ибн-Фодлан оставил описание дохристианского мольбища славян-русов на берегу Волги. Интересно отметить, что подтверждение этого описания дали археологические находки в Пермской губернии. По словам Ибн-Фодлана, идолы, виденные им на берегу Волги, которым поклонялись русские купцы, представляли собою группу из одного высокого вбитого в землю столба, имевшего лицо, похожее на человечесьё, вокруг которого стояли такие же изображения, но значительно меньшего размера. Идол, найденный в торфяном болоте Пермской губернии в 1880 г., представляет собой плоский сосновый брус в пять с лишним метров длины, верхний конец которого обработан в виде человеческой головы яйцевидной формы с вырезанными глазными впадинами, носом и круглым углублением вместо рта. Вся поверхность бруса покрыта резным орнаментом, при чем комбинация прямых линий частью складывается в изображения человеческих фигур, частью напоминает бортовые знамена XVI—XVII века. Нижний конец найденного идола, очевидно, закапывался в землю. По определению местных археологов, находка относится к последним столетиям до нашей эры и является продуктом приуральской финской культуры. Что явление это было не единичным и в более позднее время, на это есть указания в «Житии Стефана Пермского» XIV века, где говорится, что «в зырянской земле кумиры были различные: большие, средние и малые. Боги были болваны истуканные, изваянные, издолбленные, вырезом вырезанные». Не говоря уже о XV веке, даже от XVI века дошел до нас целый ряд посланий духовных властей о поклонении местного населения «золотой бабе и бол-

¹ До Петра I летосчисление велось от «сотворения мира», которое считалось отстоящим от рождения Христова на 5508 лет. Таким образом, чтобы переложить годы летописных записей и других рукописных документов на наше летосчисление, надо из указанного в документе числа вычесть 5508.

² «Летописец Новгородский церквам божиим», Спб. 1879, стр. 172.

³ «Новгородская первая летопись», Спб. 1888, стр. 22. Кроме того имеются упоминания в Лаврской летописи, стр. 34, 35 и в Новгородской, т. III, стр. 207.

⁴ «Русский исторический сборник», М. 1840, т. IV, кн. 1, стр. 44.

3. Резной идол. Архангельск. Музей

вану Войпелю»¹. Новгородские архиепископы—в 1534 году Макарий и в 1548 году Феодосий—своими грамотами в Вотскую пятину наставляют на искоренении и разрушении «языческих требищ и мольбищ»². В Пермском антирелигиозном музее имеется интересный «лесной шайтан», вывезенный в феврале 1931 года из Сарматско-Сургутского района, находящегося в 610 километрах от Тобольска. Этот божок пользовался большой популярностью среди местного населения, которое за его предсказания приносило дары пушниной; не менее интересный деревянный резной идол хранится в Архангельском музее (см. рис. 3).

Как показывают новейшие изыскания, первоначальными насельниками Верхнего и Среднего Поволжья были финские племена, хорошо освоившие водные пути, которые связывали их с Востоком, греческими колониями Черноморья и западноевропейским германским и скандинавским миром. От образовавшейся здесь к V—VI веку нашей эры финско-скандинавской культуры остались, судя по археологическим находкам, памятники материального быта в дереве и в металле. Сохранившиеся произведения финско-скандинавского искусства дают возможность видеть, как свободно трактуется в их узорах не только прямые, но и кривые линии, вкус к которым, очевидно, развила работа над металлом. Любопытно отметить, что следы этого, пройдя века, сохраняются в бортовых знаках чувашского народа в XVI и XVII веках. Вообще в тематике древнефинских узоров чувствуется определенный уклон к четкости и выразительности как в геометрическом, так и в «зверином» орнаменте.

С распространением славянской культуры в восточном направлении, поселившиеся в этом краю русские на первых порах заимствуют многие художественные образы из финской культуры; так, например, находимые в пермских погребениях изображения птиц с человеческими головами впоследствии переходят в резьбу наружных украшений русских изб, где и сохраняются в виде фантастических жар-птиц до второй половины XIX века.

В раннюю пору славянской колонизации почвы для широкого культурного общения славян и местных народностей, живших в условиях замкнутого хозяйственного быта, еще не было; общение происходило, повидимому, в области культа—в выборе общих мольбищ, в поклонении одним и тем же божествам. В Приволжье до сих пор существуют селения, возникшие, судя по названиям, на месте таких

¹ *Трапезников В.* Первобытное население севера России. «Ежегодник Пермского губ. земства 1916 г.», вып. I. «Послание московского митрополита Симона от 22 августа 1501 г. пермскому князю Матвею Михайловичу».

² «Здесь сказывали мне, что деи в ваших местах многие христиане с женами и с детьми своими... молятся по скверным своим мольбищам дресвом и каменью по действию дьяволю... и вы б, игумены, и священники, и дьяконы, по всем тем Чюльским и Ижерским местом, в селах и в деревнях, и в лесех, те скверные мольбища, каменеи и дресва везде раззоряти и истребляти в конец и огнем жеши». Дополнение к «Актам историческим», т. I. Спб. 1846, стр. 28—29, 54—58.